

— Я знаю, что мой дядя не станет хлопотать за изменников и мятежников, — взгляд Фу Шэня остановился на длинных, покачивающихся стеблях орхидей. — «Орхидея подобна благородному мужу, а ирис — чиновнику. В горах и лесах на десять ирисов приходится одна орхидея».

— Из всех чиновников при дворе лишь он один осмелился вступить за князя Аня.

Янь Сяохань холодно ответил:

— Сколько ни говори, всё равно остаешься в заблуждении.

— Не я не понимаю, — возразил Фу Шэнь. — Это кто-то упорно идет по ложному пути.

Янь Сяохань предостерегающе сказал:

— Осторожнее с речами.

— Что я не могу сказать? Чего боюсь? — Фу Шэнь уставился на него. — Плетение обвинений, фабрикация дел, конфискация имущества, уничтожение семей, подбрасывание улики. Император ошибается! Ошибается, и это факт!

Янь Сяохань резко перевернулся и зажал ему рот ладонью, грудь его вздымалась от гнева, дыхание участилось. Они оказались лицом к лицу, так близко, что могли видеть свои отражения в зрачках друг друга.

— Пусть сегодняшние слова останутся у тебя в животе. Если я услышу их ещё раз, не дожидаясь других — я сам отправлю тебя в тюрьму. Запомнил?

Фу Шэнь нахмурился, пробурчал что-то в ладони Янь Сяохана и коленом толкнул его.

Янь Сяохань убрал руку.

Фу Шэнь закричал так, что эхо разнеслось по небу:

— Слезай! Ты давишь на мою рану на спине! Больно!

Янь Сяохань понял, что ничего не может поделать с Фу Шэнем: с одной стороны, он умен, но часто упрямится в самый неподходящий момент; с другой — зрелый, но иногда ведет себя по-детски смешно.

— Что за колючий характер.

И даже несмотря на его дерзкие слова, Янь Сяохань лишь надеялся, что он сможет скрыть это, не требуя изменений и не желая ему зла.

Размышляя об этом, он вдруг понял, почему Фу Шэнь так настойчиво хотел помочь потомкам семьи Цзинь.

Никто не помог Фу Шэню подняться, он сам медленно встал с травяного склона. Пылкость утихла, и он остыл, осознав, что был слишком безрассуден.

По натуре он не был радикальным, просто его путь отличался от других, а юношеская наивность добавляла ему высокомерия, не знающего тягот жизни, и он ещё не научился скрывать свои острые углы.

Янь Сяохань первым поднялся и, не оборачиваясь, сказал:

— Пошли.

Едва он сделал первый шаг, его запястье внезапно сжалось. Он опустил взгляд и увидел, что Фу Шэнь схватил его за рукав, но не решался поднять глаза, опустив голову, выглядел жалко.

Ага. Наконец очнулся от своего безумия.

Янь Сяохань прищурился, внутренне смеясь, но внешне сохраняя полное спокойствие, спросил:

— Что?

Фу Шэнь пробормотал:

— Я... только что говорил необдуманно, разозлил тебя, прости.

Янь Сяохань промолчал, сохраняя холодное выражение лица.

Фу Шэнь искренне добавил:

— Я признаю свою ошибку, это моя вина. Делай со мной что хочешь — бей, ругай, наказывай.

— Да брось, — холодно ответил Янь Сяохань. — Я, Янь, осмелился бы бить или ругать господина Фу? Ты не ошибся, это мы, подлые люди, ошибаемся.

Фу Шэнь опустил голову ещё ниже, действительно раскаиваясь. Впервые он так смиренно извинялся перед кем-то, но тот не принял это.

— Я никогда не считал тебя подлым человеком, просто...

Просто что?

Просто их пути были разными, просто он верил, что Цзинь Юньфэн был несправедливо обвинен, просто «благородный муж, совершенствуя себя и воспитывая добродетель, не меняет своих принципов из-за трудностей».

Он не смог продолжать, отпустил рукав Янь Сяохана и упавшим голосом сказал:

— Прости.

Его скользкая рука вдруг была поймана и оказалась в сухой, прохладной ладони.

Янь Сяохань присел перед ним:

— Кто только что говорил, что готов к ударам, ругани и наказанию? Ты разозлил меня, а теперь не можешь вынести пары слов? Твое извинение настолько неискреннее, а?

Фу Шэнь неожиданно почувствовал, как уши его загорелись, в душе смешались сотни чувств, и он ещё больше не решался поднять на него взгляд.

Янь Сяохань сам подумал, что это довольно жестоко — молодой человек из знатной семьи, получивший ранения, упавший с обрыва, сегодня испытал все тяготы, которых избегал всю жизнь. А в конце ещё и был так обижен им. Очень подло.

Фу Шэнь не знал, что сказать, и просто повторил:

— Прости.

Янь Сяохань цокнул языком:

— А где искренность?

Он свободной рукой поднял подбородок Фу Шэня, заставив его смотреть на себя:

— Подними голову. Даже обращения нет, перед кем ты извиняешься? Прежнее не считается,

начни заново. Как ты должен меня называть?

Он хотел, чтобы Фу Шэнь просто назвал его «старшим братом Янем», извинился, и он бы перестал его мучить. Но Фу Шэнь понял его неправильно, долго молчал, затем робко, едва слышно, пробормотал:

— ...Братец?

Это слово мгновенно растрогало Янь Сяохана до глубины души, и он невольно сжал руку Фу Шэня.

Легкий ветерок пронесся, наполнив воздух ароматом орхидей.

— Ты... я...

Янь Сяохань даже запнулся, наклонился, поднял его с земли, отряхнул траву и грязь с одежды и с трудом сказал:

— ...Пошли.

Фу Шэнь ещё не понял:

— И... всё?

— Всё, мой господин, — Янь Сяохань посмотрел на него, внутренне вздохнув, и слегка улыбнулся. — Если ты ещё раз так назовешь, я готов ради тебя перейти на сторону света.

С наступлением ночи они наконец вышли из долины и встретились с искавшими их стражами Летящего Дракона. Янь Сяохань посадил Фу Шэня на свою лошадь, и они вместе поехали, охраняемые стражами, обратно в усадьбу Юлань.

У ворот усадьбы стражи остановились, Янь Сяохань тоже спешил и передал Фу Шэня подоспевшим И Сымину и другим, добавив пару слов о необходимости обработать раны, и собирался уехать.

Его фигура растворилась в ночи и тусклом свете фонарей, контуры стали особенно глубокими, а лицо казалось изможденным. Фу Шэнь чувствовал себя ужасно виноватым. По логике, человек, преодолевший столько трудностей, чтобы доставить его обратно, заслуживал приглашения в дом, чтобы отдохнуть и выпить чаю. Но они оба знали, что укрывали потомков семьи Цзинь, и если бы стражи Летящего Дракона вошли внутрь, это было бы равносильно тому, чтобы отдать овцу в пасть тигру, и все предыдущие усилия пошли бы прахом.

— Не нужно провожать, отдохни, — Янь Сяохань держал поводья и, казалось, понял его чувство вины, мягко улыбнулся. — У меня ещё есть дела, не буду мешать. Господин Фу, береги себя, увидимся в столице.

Фу Шэнь поднял руку в знак прощания, наблюдая, как стражи Летящего Дракона исчезают в конце горной тропы. Повернувшись, он увидел, что И Сымин скрестил руки на груди и задумчиво смотрит на него, небрежно бросая:

— Ну и ну, сколько времени прошло с вашего знакомства, а вы уже не можете расстаться, смотрите друг на друга, как на воду? Ты так и глаз не сводишь, будто хочешь, чтобы он привязал тебя к поясу и унес с собой. Ну и характер.

Фу Шэнь парировал:

— Он хотя бы спас меня из ущелья, а ты что сделал? Если бы ты дождался, пока допьешь чай и отдохнешь, прежде чем искать меня, я бы уже остыл. И ещё смеешь «ну и ну»? Ну и нрав.

И Сымин ответил:

— ...Ладно, ладно, не даром он рисковал жизнью, чтобы спасти тебя. Даже я не могу тебя упрекнуть. Пойдем, пойдем, врач уже давно ждет внутри, посмотрим на рану.

После этого инцидента все потеряли интерес к охоте и, переночевав в усадьбе, договорились вернуться в столицу. Женщину и младенца забрал с собой И Сымин. Фу Шэнь задержался ещё на два дня, пока рана на спине не зажила, и только потом один поехал на лошади, покачиваясь, вниз с горы.

Перед отъездом он специально вернулся к тому месту, где росли дикие орхидеи, долго колебался, но в конце концов не решился сорвать ни один цветок, вздохнул на ветру и уехал.

Много лет спустя, вспоминая эту сцену, он вдруг почувствовал, будто это было в другой жизни, и наконец понял, что значит «юность не знает печали, но ради новых стихов притворяется грустной».

На следующий день он вернулся в резиденцию герцога Ина, где Фу Тинсинь хорошенько его отчитал. Фу Шэнь, пользуясь молодостью, не придавал значения ране на спине, пролежал два дня в постели, а затем снова стал бодрым и полным сил.

<http://bllate.org/book/15271/1347955>